
Глава 11. Знаешь, кто мой отец?

Гу Мочжэн, находясь в помещении студенческого совета, получил странное сообщение.

Ло Сы:

[Матушка, вы сегодня вечером вернётесь?]

Гу Мочжэн:

[Какая ещё матушка?]

Ло Сы:

[Просто я тут себе названного отца нашёл, так что вам места не осталось. Пришлось вас в матушки записать. Так что, матушка, вы сегодня в клуб бриджа вернётесь?]

Гу Мочжэн:

[...]

Гу Мочжэн:

[Не вернусь]

Изначально он планировал пойти в клуб вместе с Ло Сы, но внезапное уведомление о срочном собрании студенческого совета заставило его изменить планы.

Для подготовки к предстоящему студенческому музыкальному фестивалю университет создал объединённый комитет школы и предприятий. «Представители предприятий», вечно занятые, могли уделить им время только сейчас.

Представитель, выглядевший как типичный элитарий, говорил пустые и бессмысленные фразы. Никто его не слушал, все сидели в телефонах. Всем хотелось уйти, но было нельзя.

Ло Сы:

[Молодой господин не увидел вас и теперь в ярости. Кажется, я его не сдержу...]

Гу Мочжэн:

[Пусть посмотрит объявление в группе студсовета. Сегодня срочное собрание]

Ло Сы:

[Поздно, он уже умчался]

Гу Мочжэн:

[Держись там]

Он не успел отправить последнее сообщение. Внезапная сильная рука схватила его за запястье.

Гу Мочжэн не успел среагировать и лишь беспомощно наблюдал, как его телефон соскальзывает с края стола и падает на пол.

Представитель предприятия, Ли Гуйчэн, гневно закричал на него:

— Ты что себе позволяешь?! Сколько раз я говорил — убери телефон и слушай меня! Мы все взрослые люди, неужели нужно повторять дважды, трижды?!

Гу Мочжэн медленно поднялся и подобрал с пола гаджет.

Он упал экраном вниз. Экран был полностью разбит.

Проводя пальцем по трещинам, юноша помрачнел.

— Из какого ты отдела? За что отвечаешь? Говори! — снова заорал Ли Гуйчэн.

Гу Мочжэн выпрямился и спокойно ответил:

— Я — глава секретариата, Гу Мочжэн. В основном отвечаю за организацию площадки и аккредитацию персонала для этого музыкального фестиваля...

— И что с того, что глава? Думаешь, тебе правила не писаны? А ну-ка, сядь вперёд!

Мужчина схватился за стол главы секретариата.

Помещение студенческого совета было устроено так же, как и клуб бриджа: все столы были передвижными. На время собраний их сдвигали в один ряд, а после — расставляли по местам.

И сейчас Ли Гуйчэн вытащил стол Гу Мочжэна на два метра вперёд, выставив его на всеобщее обозрение.

Это было похоже на наказание в начальной школе, когда провинившегося ученика сажают за первую парту. Психологическое давление, призванное унижить, действовало сильнее физического наказания.

Гу Мочжэн не сопротивлялся, позволяя оппоненту делать всё, что тот хотел, и выглядел при этом как покорная жертва.

Однако он прикрыл руками столы соседей, чтобы представитель предприятия в своей грубости не задел и их.

— Брат Гу, это... — сидевшая рядом заместительница главы, Нань Сюэ, потянула его за штанину. В её нахмуренных бровях и гневном взгляде читался призыв к сопротивлению.

— Всё в порядке, продолжай обрабатывать заявки, — мягко успокоил её Гу Мочжэн, а затем последовал за своим столом.

Шаг, два, три.

Он оказался впереди всех членов студенческого совета.

На лице юноши всё это время играла лёгкая улыбка, словно это публичное унижение его нисколько не трогало.

Возможно, со стороны казалось, что он просто хорохорится, но это было не так.

Выражение его лица было точным отражением его внутреннего состояния.

Если бы кто-нибудь спросил Гу Мочжэна, о чём он больше всего сожалеет за время учёбы в университете, он бы без колебаний ответил: о том, что не смог должным образом организовать студенческий музыкальный фестиваль на втором курсе.

Студенческий музыкальный фестиваль был визитной карточкой Университета Z. Он проводился ежегодно, и его организацией занимался комитет, состоящий из членов студсовета и школьных музыкальных групп. Руководство университета не вмешивалось. В день фестиваля весь университет уходил на каникулы. Каждая группа, каждый клуб, каждый факультет готовил своё выступление. Занятия отменялись на три дня, и все студенты могли свободно развлекаться.

Однако на втором курсе Гу Мочжэна этому ежегодному празднику, которого все ждали с нетерпением, не повезло — в университете сменилось руководство.

Новое начальство, под предлогом «содействия профессиональному развитию студентов и расширения влияния фестиваля», взяло его под свой «нормативный контроль».

То, что выглядело как модернизация, в итоге превратило фестиваль в худший за всю историю.

Сцену, предназначенную для университетских групп, заняли нанятые спонсорами блогеры. Множество студентов в качестве волонтеров стали бесплатной рабочей силой для спонсоров. А что касается долгожданного гала-концерта, то после отборочного тура, в котором были отсеяны все самобытные, но недостаточно коммерческие выступления, «именитые судьи», рассыпаясь в комплиментах друг другу, присудили победу двум неизвестным студентам по обмену...

В прошлой жизни Гу Мочжэн был ещё неопытен. Когда председатель студсовета поручил ему организацию фестиваля, он метался между студентами, руководством и спонсорами, и в итоге фестиваль с треском провалился. Студенты были разочарованы, а он, не справившись с задачей, подал в отставку и покинул студенческий совет.

Хотя это и подтолкнуло его вернуться к бриджу и встретить Фэн Цзина, это был не тот исход, которого Гу Мочжэн желал.

Начав жизнь заново, когда председатель, запинаясь, снова предложил ему возглавить организацию фестиваля, он согласился не раздумывая.

Мудрый избегает битвы, храбрый её принимает. А Гу Мочжэн не был ни мудрецом, ни храбрецом.

Он был «Господином Храбрецом».

Он собирался бросить вызов тому самому фестивалю, который когда-то принёс ему сокрушительное поражение.

— Сиди и слушай! А если не поймёшь, то, я думаю, и главой тебе быть незначем! — Ли Гуйчэн, видя покорность студента, окончательно распоясался и самовольно присвоил себе право

решать его судьбу.

На самом деле он не имел никакого отношения не только к студенческому совету, но и к преподавательскому составу Университета Z. Он был всего лишь представителем от предприятий в том самом объединённом комитете.

Да и сам этот комитет был нововведением этого года. Раньше фестиваль организовывал комитет, состоящий из представителей студсовета и музыкальной академии.

— Не думаю, что это необходимо, — наконец заговорил Гу Мочжэн, до этого хранивший молчание.

Ли Гуйчэн принял его слова за мольбу о пощаде и самодовольно вздёрнул подбородок, глядя на оппонента, который был на полголовы выше него:

— Не думай, что раз ты учишься в хорошем университете, то ты чего-то стоишь. Для меня вы, тепличные цветочки, хуже, чем выпускник колледжа с трёхлетним опытом работы. Наша компания ценит личные качества и умение адаптироваться, а не диплом...

— Вы меня неправильно поняли. Я не это имел в виду, — с лёгкой улыбкой прервал его Гу Мочжэн и коротко пояснил: — Я имел в виду, что ту чушь, которую вы несёте, понимать нет никакой необходимости.

Словно капля воды, упавшая в раскалённое масло.

В помещении, где до этого стояла гробовая тишина, после его слов раздался гул голосов.

— Брат Гу прав! Слушать это невозможно!

— Что это за шарашкина контора вообще? Да я с голоду умру, но в такую дыру не пойду!

— Так мы можем расходиться? Время-то уже сколько?

— Я запись на стену кампуса выложил, поддержите лайками.

— Катись отсюда, придурок!

Ли Гуйчэн от такой внезапной перемены побагровел от злости. Он с силой ударил по столу и несколько раз крикнул: «Тихо!».

Когда шум немного утих, он набросился на зачинщика:

— Решил мне дерзить, да? Думаешь, ты тут что-то решаешь? Веришь, что я сделаю так, что ты из университета не выйдешь? Ты знаешь, кто я такой?! Знаешь, кто мой отец?!

С этими криками Ли Гуйчэн потянулся к воротнику Гу Мочжэна. Учитывая их разницу в росте и весе, тот мог бы легко увернуться, но он не сдвинулся с места.

Он опустил глаза, и его ресницы, тёмные, как вороново крыло, затрепетали. Он выглядел беззащитным и уязвимым, когда Ли Гуйчэн схватил его за воротник, и таким же беззащитным и уязвимым, когда Ли Гуйчэн вдруг полетел в сторону.

Да, он действительно полетел.

«Бам!», «Бум!», «Треск!».

Серия громких звуков, похожих на взрывы новогодних петард.

Это стол, проехавшись по мужчине, врезался в стену, содрал с неё изрядный кусок штукатурки.

Его швырнуло так, что в глазах у него потемнело. Когда он немного пришёл в себя и попытался подняться, то понял, что не может пошевелиться.

На его груди стояла белоснежная кроссовка.

Летняя лимитированная модель известного люксового бренда, рыночная стоимость — миллион двести тысяч, и то не найти.

Именно хозяин этих кроссовок одним ударом ноги отправил стол в полёт, сбив с ног Ли Гуйчэна, а затем пригвоздил его к полу.

Обычный богач, даже купив такую обувь и осмелившись её надеть, никогда бы не стал пинать ею стол, да ещё с такой силой.

На такое был способен лишь один человек во всём Университете Z.

Фэн Цзин, примчавшийся из клуба бриджа напрямик в студенческий совет, смотрел на поверженного противника сверху вниз. Его серебристые глаза были холодны, как лёд, способный заморозить даже жаркий сентябрьский день.

Под ничуть не скрываемую улыбку Гу Мочжэна, молодой господин ледяным тоном, отчеканивая каждое слово, спросил:

— Продолжай. Кто твой отец?

<http://bllate.org/book/15989/1444104>